

— Прежде хочу поздравить тебя с дочерью. Ты теперь трижды папа.

— Вот Соньки, как выяснилось, мне и не хватало. У меня двое детей, но так получилось, что и Лиду, и Филиппа я с пеленок не воспитывал. А тут Соня. Как снег на голову. В ней есть что-то такое, чего нет во мне, например. Знаешь, она всем улыбается. Она всех любит. Она любит людей!

— Коли о личном заговорили, так у тебя еще одно событие произошло в прошлом году. На волю вышел твой друг Дима Якубовский. Насколько я знаю, первый визит в Москве он нанес Андрею Караулову.

— Я по-прежнему убежден, что в тюрьме у нас в государстве может оказаться любой. С Якубовским сидел подполковник, грушник: его арестовали по делу Холодова, а судили по другому — за кражу. По делу Холодова никаких доказательств нет по той простой причине, что он к его убийству не имел отношения (сейчас, мы знаем, появились другие подозреваемые), но отпустить на волю — скандал, пятно на следствии, дело-то шумное, президент поставил его на контроль. Господа из спецслужбы, проводившие обыск, обратили внимание: в квартире у подполковника на ковре штйки висят. До 60-х они были на вооружении Советской Армии. — О, штйки у вас? Вы их в магазине купили? — Нет. — Вот и хорошо: купить вы их не могли, такие штйки не продавались, значит, вы их украли. Верно? И айда в лагерь на семь лет.

Кстати, я никогда не думал, что в приговорах наших судов столько антисемитизма. Якубовский показал мне один приговор, — ну для Задоронова, ей богу! Суд установил, что гражданин Шнобельсон, цитирую дословно, — «хороший человек, несмотря на свою еврейскую национальность»!

— Какие планы у Димы?

— Это ты у него спроси. Тюрьма, конечно, его надломил, хотя он и хорохорится — на экране. Был у меня вчера в гостях один полковник, почти пять лет служивший в службе безопасности Ельцина. То есть в те самые годы, когда Якубовский приехал из Цюриха в Москву — с компроматом. По словам моего гостя (не берусь утверждать это как факт), Александр Васильевич Коржаков склонялся к мысли убить не только Якубовского, но и людей из своей же спецслужбы, которые его охраняли. — Разумеется, после того, как Якубовский вытаскивает из компьютера все, что знает о Ручком, Хасбулатове и проч. Среди тех, кого Коржаков хотел пустить под нож, был и полковник Просвирин, оперативник. Впрочем, мне всегда казалось, что служба Коржакова убивала людей.

— У тебя, вроде, были приличные отношения с Коржаковым...

— А полковник Просвирин вообще был его заместителем. Моя жена услышала, рассмеялась: ну и когда у вас второй день рождения? А вскоре, заметь, Якубовский оказался в тюрьме. Ладно, может, хватит об этом?

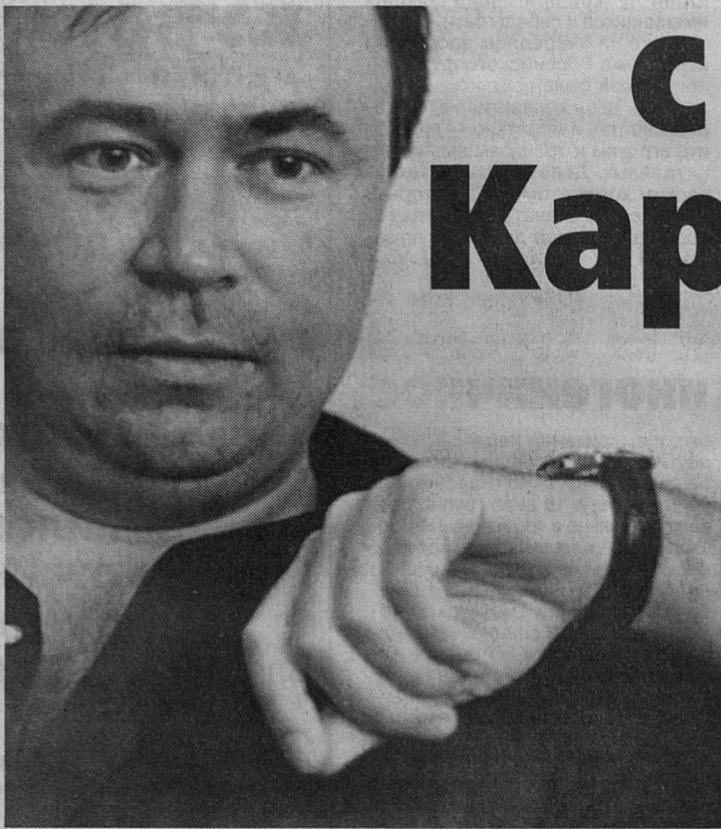
С момента ухода «момента истины» изменился и твой политический статус. Я, честно говоря, немного сожалею, что нет на экране этой передачи...

— На канале НТВ — «Русский век». Две премьеры в неделю. «Русский век» мне нравится больше, чем «Момент истины». Здесь — те люди, которые и есть сегодня Россия.

— Но там тоже была история, были люди власти, люди, делающие историю.

— Это только так казалось. У кого в России реальная власть? У президента, у премьер-министра, у некоторых банкиров, очень немногих. Власть есть у Герасченко. У силовых структур. Власть есть у Лужкова, очень сильная власть, пожалуй, единственная сильная в Отечестве. Министрам, депутатам, даже некоторым вице-премерам, которых я так любил снимать в прежние годы, только кажется, что у них есть власть. На самом деле они живут в незнакомой стране, и эта страна давным-давно, чтобы выжить, отделилась от них, подобно тому, как раньше церковь была отделена от государства. Поэтому мне и нравится «Русский век», эти великие русские старики, гордость России. Помнишь, была такая песня «С чего начинается Родина...». Сегодня мы поняли наконец, что Родина начинается с каждого из нас. Россия — это такая страна, где почти все люди (просто чтобы выжить) отделились сейчас от государства, особенно — в глубинке. «Русский век» — это

«Момент истины» с Андреем Карауловым

Век. Москва. — 1999. — 12 марта. — 3

Мы можем месяцами не встречаться, даже не созваниваться, но вот наступает какой-то момент — и мы находим друг друга. Только на этот раз на вопросы отвечает Андрей Караулов. На все. У нас нет четко обозначенных границ тем, но есть правило:

записанное диктофоном не вычеркивается и не редактируется.

как самоубийство: Гиоргадзе не сомневается, что за всем этим стоял Эдуард Амвросиевич. После «Новой газеты» ко мне обратилось грузинское телевидение: какое я имею право брать интервью у человека, которого сам Шеварднадзе в чем-то подозревает? Как интересно, да? Решения суда — пока нет, а проклятия — уже есть.

— Это не тебя первого обвиняют в подобном. Помнишь, обвиняли Масюк за то, что она брала интервью у полевых чеченских командиров. Как, мол, так — у террористов, у скрывающихся от правосудия?

— А я бы и у Гитлера взял интервью.

— Ты ведь и с Дудаевым беседовал?

— Беседовал. Почему, кстати, журналисты так и не заинтересовались заявлением депутата Алексея Митрофанова, что Дудаев — жив. Руслан Аушев и Сергей Шахрай, тесно связанные с чеченцами, утверждают, правда, обратное. Но где могила Дудаева? Сейчас-то какой смысл скрывать могилу национального героя? И где Алла Дудаева, его вдова?

Дело не в том, что Ельцин болен. Ельцин — человек раненый. Сегодня не он нужен стране, а страна нужна ему... Власть он не отдаст — никогда. Власть он отдаст только в гробу.

— Да, иногда и меня интересует — почему это те, кому положено, бываю так нелюбимы, что ли... Может, это им не надо, может, на словах только интересуются тем или иным человеком. А на деле?.. Вот, например, в 1993 году я поехал в Германию и взял там интервью у некоего Мирошника, бывшего помощника Ручко, сбегавшего от своего шефа незадолго до этого в Испании. Интервью было опубликовано, повторяю, в 1993-м. А месяц назад читаю, что этот Мирошник находится в розыске аж с 1992 года и очень интересуют прокуратуру. Что же это никого не заинтересовало тогдашнее интервью с ним в «Вечерней Москве»?

— И никто к тебе не пришел?

— Нет, более того, я позвонил Илющенко, тогда и. о. генерального прокурора, и сказал, что с ним Мирошник готов встретиться

на любой территории... Но и это генпрокурора не заинтересовало. Чудеса... А Мирошник много знает.

— Когда вышло интервью с Гиоргадзе, Таня Миткова пошутила в эфире: Гиоргадзе ищет Интерпол, грузинские спецслужбы, российские спецслужбы — лучше бы спросили у нас, у журналистов...

— Скажи, пожалуйста, Андрей, а тебе самому не скучно без «Момент истины»?

— «Момент истины» каждый день идет на канале ТНТ. Это — проект Владимира Гусинского, новый канал. Его очень неплохо смотрит Россия. Недавно Борис Немцов убежал со съемок, увидев там Якубовского. Тема программы — «вмешательства в личную жизнь». Немцов поцеловал Якубовского, сердечно поздравил его с выходом из тюрьмы и — смылся из студии. Пришлось Якубовскому (он явился как зритель) сесть на место Немцова...

— Кстати, что ты думаешь о гибели Старовойтовой?

— Я не следователь.

— А я не следователя спрашиваю.

— ...Точно так же, как во многом и Влад Листьев погубил самого себя, как многие банкиры убили сами себя, вот точно так же, по-моему, Галина Васильевна Старовойтова во многом погубила сама себя. Я не знаю, правда или нет, что она везла с собой огромные деньги, но я убежден, что это — не политическое убийство.

— Что ты скажешь о недавних высказываниях Лужкова? — Президент Ельцин убежден, что «некоторые, понимаешь, бегут впереди паровоза» — на выборы. Но что же делать, если паровоз вдруг оказался позади вагонов? Год назад я отвечал на вопросы Бориса Ноткина. И тогда, и теперь я убежден, что у Лужкова — трагическая судьба. Россия не любит слабых людей, это известно. Но Россия не любит и сильных — это тоже известно. Самые сильные люди в России — всегда в тени. Лужков — исключение. Не Ельцин (куда ему!), нет, многие олигархи, прежние и на-

чинающие, боятся, что при Лужкове будет один банк на всю страну, одна семья на всю страну (очень боятся его жену) и т. д. Но при Лужкове Россия останется Россией.

Борис Николаевич Ельцин — с Урала. А Урал — это уже не Европа, но еще и не Азия. Вот и в Ельцине как бы две половинки. То, что мы имеем сейчас, — чистая азиатчина: внезапные смены правительства, дикая подозрительность, интриги и т. д. Дело не в том, что Ельцин болен. Ельцин — человек раненый. Сегодня не он нужен стране, а страна нужна ему — чувствуешь разницу? Власть он не отдаст — никогда. Власть он отдаст только в гробу. И Конституционный суд здесь не поможет. Не будет Думы, Совета Федерации, Конституционного суда — будет Ельцин, президент Российской Федерации. Пока он жив. И выборов, разумеется, тоже не будет. Вот несколько сценариев, их начал рисовать еще Юмашев. Первый, самый простой: чрезвычайная ситуация. Резко прыгает доллар (это очень легко сделать), отставка Примакова, смена Примакова на... не понятно кого. Кстати, Виктор Степанович Черномырдин сам отказался в третий раз идти в Думу; Ельцин был готов на ее роспуск. Черномырдин — очень порядочный человек, его сейчас — давай признаемся в этом — очень не хватает. Второй сценарий: объединение с Белоруссией. Новое государство, новая конституция, новые всенародные выборы — неизвестно когда.

— Андрей, а вот эта азиатчина... Только в Ельцине или где-то в его окружении?

— Ельцин сегодня — это семья. Коллективный Ельцин.

— Ты имеешь в виду Татьяну Дьяченко?

— Я имею в виду его семью. Семья руководит страной. Наина Иосифовна превзошла Раису Максимовну. В этой семье есть типичная для нас, русских, черта — неблагодарность. В январе 1987-го Ельцин мог умереть. Он тяжело поправился после сердечной болезни. В Завидово приехал Коль, они поехали в баню. А у внука Ельцина начался грипп. Организм президента ослаблен, легкие сдали. Семья пригласила Андрея Ивановича Воробьева, одного из лучших терапевтов Европы. Без сна Андрей Иванович пролежал у постели Ельцина 72 часа. Когда он вошел в палату, было ощущение, что все — конец. Семье сказали правду. Началась паника. А когда Андрей Иванович, шатающийся от усталости, вышел от Ельцина, уже была надежда —

выживет. А семья даже спасибо не сказала... Ему ничего не надо, ни денег, ни славы — его и так знает весь мир. Мы в России меньше, стати говоря. Бураковский, Коновалов, Зельман, уехавший в Лос-Анджелес, — одна компания врачей, профессионалов высшего класса. Коробку конфет не подарили. Если сегодня они встретят Воробьева, то не узнают, пожалуй...

— Грустно... Очень не хочется тебе верить...

— Точно так же, как не узнал один великий русский музыкант академика Савельева, который когда-то спас ему жизнь.

— Ты назвал Примакова. У меня тоже этот человек вызывает уважение, но не кажется ли тебе, что он нынче становится неугоден и «правым», и «левым» и на него сейчас наезд с обеих сторон?

— Ну а что ты хочешь? Примаков делает дело так, как его надо делать, т. е. ориентируясь только на здравый смысл, а не на кого-то. Когда делаешь дело честно, ты сразу кому-то неугоден. Твоя работа тут же обрастает слухами, интригами, сплетнями, черт знает чем.

Обвинение правительства в прокоммунизме — глупость полная. Коммунисты любят деньги. Так же, как демократы: деньги любят все. Нет коммунистов, нет демократов — нет! Все смешалось в доме Облонских. Интеллигенция болтается между олигархами и бандитами, делая вид, что она независима... Когда Гайдар и Чубайс клянутся у гроба Старовойтовой, что они обязательно победят преступность, это, конечно, красиво. Но разгул начался в 1992-м, когда Гайдар был у власти, когда КГБ и МВД подчинялись лично ему. Потом вылез Чубайс — опять-таки главе администрации подчинялись силовики.

— Мне кажется, всерьез взялся за борьбу с преступностью Степашин. Или я не прав?

— С ума сошел? Если бы Степашин взялся за бандитов серьезно, их бы уже не было. МВД знает всех поименно. Списки «воров в законе» публикуются в газетах, выходят книги. А Скуратов рассказывал в «Моменте истины»: когда кому-то (Коржакову?) стал мешать Борис Федоров из Фонда спорта, подмосковный ОМОН подбросил в его машину наркотики, против милиции возбуждено уголовное дело... Я не могу не верить Скуратову.

— Андрей, вот сейчас довольно часто читаешь о том, что наша прокуратура повторяет разного рода националистическим высказываниям, очень маломощна в борьбе с проявлениями национализма...

— Антисемитизм в России — это русский грех, и нам, русским, с ним и разбираться. Евреи, мне кажется, в этом участвовать не должны. Человек, который орет «всех жидов в могилу» (детей в том числе), — урод. Тут обсуждать нечего. А еще в Думе есть Константин Натанович Боровой, который, так же, как Макашов, с такой же яростью орет, что нужно бомбить Ирак, бомбить детей... Ну уроды — что тут скажешь?

Ужасно и другое: когда мы, журналисты, из idiotского выступления Макашова делаем некую политическую сенсацию. Коля Сванидзе где-то брякнул, что комсомол — это советский вариант Гитлер-югенда. Меня спрашивают: как вы к этому относитесь? Нормальная самокритика, говорю, для Коли комсомол с него начинается, он же себя имеет в виду...

— Андрей, еще один, последний вопрос по поводу твоей книги... Мне известно, что ты ее вроде бы закончил...

— Три части — полностью, четвертая, последняя часть — только в черновике. В общей сложности около 50 печатных листов.

— И что это?

— Роман «Русское солнце». Я пытаюсь писать прозу... Герои Горбачев, Ельцин, Бурбулис, Кравчук, Раиса Максимовна, режиссер Борис Александрович Покровский, предприниматель Аноп Юзбашев, летчик Алексей Маресьев, бывший директор Ачинского «глинозема» Иван Куприянов, главный редактор «МК» Павел Гусев, Коржаков, Гайдар, Баранников, Юрий Скоков — большая книга о нашей жизни, о том, что с Россией произошло. Первая часть — Беловежская пуща. Вторая — 1992-й, 1993-й, расстрел Белого дома. Третья — 1996-й, выборы президента. Четвертая — сегодня.

— Ты не дашь отрывки газете?

— Почему бы нет?